

Н. П. Генералова

**ПОЭТИЧЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ ТУРГЕНЕВА и ФЕТА
КАК ПРЕДМЕТ ТЕКСТОЛОГИИ**

Если бы переписка, которую вели на протяжении многих лет Тургенев и Фет, сохранилась полностью, мы имели бы уникальный литературный памятник, достойный самого пристального изучения, подобный, например, переписке Фета с Львом Толстым. Целая эпоха оказалась бы просвеченной пересечением двух мощных прожекторов, какими, если будет позволено столь смелое сравнение, были такие яркие личности, как Тургенев и Фет. Однако будем радоваться тому, что сохранилась большая часть писем Тургенева к Фету. Эта часть тургеневского эпистолярия — едва ли не самая интересная во всей его обширной переписке. При всей несхожести и даже противоположности политических взглядов, проявившейся в особенности после реформы 1861 года, при всех эстетических и философских разногласиях, творческий диалог Тургенева и Фета предлагает обильную пищу для размышлений о закономерностях литературного и общественного движения 1840-х — 1880-х годов XIX столетия. Существовавшие разногласия

и склонность обоих корреспондентов к полемике, подчас весьма ожесточенной, лишь придают их переписке неповторимый блеск и дополнительную остроту. Это отразилось и на поэтических посланиях, которыми обменивались оба поэта.

О том, что близость с Тургеневым осталась для Фета одним из наиболее ярких эпизодов его жизни, свидетельствует уже тот факт, что на склоне лет он начнет свои мемуары именно с воспоминаний о Тургеневе. И сколько бы ни говорили о злостной тургеневской редактуре стихотворений Фета как прошлые, так и некоторые современные исследователи,¹ нельзя отрицать очевидного: благодаря взятым на себя заботам о новом сборнике Фета, вышедшем в 1856 году в Петербурге, благодаря дружеской поддержке Тургеневым переводческой практики поэта (а именно его усилиями в том же году были напечатаны в «Отечественных записках» и отдельным сборником «Оды» Горация в переводе Фета), имя Фета стало достаточно известным и в литературных кругах, и в среде читающей публики. Почти ни одно стихотворение или перевод, выполненный Фетом в годы близости с писателем, не миновали внимания Тургенева. Критика была иногда довольно жесткой, а иным кажется и жестокой, однако не надо забывать, что подобная степень открытости может существовать только между очень близкими людьми.

Поэтическое общение Тургенева и Фета было весьма разнообразным. Помимо стихотворных посланий в виде писем (или части писем), как правило, дружелюбных и исполненных искрометного юмора, нередко друзья обменивались достаточно ядовитыми эпиграммами и пародиями. Но доминантой их переписки были, конечно, поэзия, литература, глубокое душевное расположение друг к другу. Может быть, наиболее ярко и одновременно наиболее тонко отношения Тургенева и Фета запечатлелись в стихотворных посланиях, которыми обменивались время от времени два художника.

Следует учитывать, что если из тургеневских писем сохранилось более 130, то фетовская часть почти полностью попала. Однако, по

¹ См.: Никольский Ю. А. Материалы по Фету. I. Исправление Тургеневым фетовских «Стихотворений» 1850 г. // *РМсль*. 1921. Кн. 8–9. С. 211–227; Кн. 10–12. С. 248–262; *Благой Д. Д.* Из прошлого русской литературы. Тургенев — редактор Фета // *Печать и революция*. 1923. Кн. 3. С. 45–64; *Колпакова Н. П.* Из истории Фетовского текста // *Поэтика*. Л., 1927. Вып. 3. С. 168–187. Подробно остановился на этом вопросе Б. Я. Бухштаб в обстоятельной статье «Судьба литературного наследия А. А. Фета» (*ЛН*. Т. 22–24), попытавшись в издании 1937 г. опубликовать «очищенные» от тургеневской правки тексты Фета. В 2001 г. к этому вопросу вернулся В. А. Кошелев в статье «О „тургеневской“ правке поэтических текстов Афанасия Фета» (*Новое литературное обозрение*. 2001. № 48. С. 157–191), на которую откликнулся М. Л. Гаспаров статьей «Лирические концовки Фета, или как Тургенев учил Фета одному, а научил другому» (Там же. 2002. № 4. С. 96–113). Известный стиховед пришел к парадоксальному выводу, что «тургеневская правка почти всюду имела <...> противоположный намерениям Тургенева результат. Стихи сплошь и рядом приобретали не парнасскую законченность, а многозначную оборванность, как бы показывая автору возможности суггестивной романтической недоговоренности» (Там же. С. 112).

счастью, большинство поэтических посланий Фета сохранилось благодаря тому, что поэт записывал стихи в рабочие тетради, две из которых (далее: *T1* и *T2*) находятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома. И это отчасти восполняет зияющие пробелы в их эпистолярном диалоге. Некоторые стихотворения, обращенные к Тургеневу, были опубликованы при его жизни, с его согласия и с обозначением в заголовке его имени. Неудивительно, что лучшие из них были написаны в период наиболее интенсивного общения, наступившего с 1854 года, когда Фет стал регулярно бывать в Петербурге наездами из расквартированного в окрестностях столицы полка, где он проходил военную службу, а вскоре приступил к подготовке под руководством друзей нового поэтического сборника. Нет никаких сомнений в том, что поддержка Тургенева, его увлеченность лирическим даром Фета склонили поэта к решительному изменению собственной судьбы.

И. С. Тургенев
Фотография Тиссье.
Париж, 1861 г.

Другой вопрос, имеющий текстологический аспект, — заглавия, под которыми следует публиковать стихотворения, о которых идет речь. Стихотворные послания Фета, как правило, публикуются под заглавием, в которое входит фамилия адресата и его инициалы (практика, введенная еще в первом посмертном издании 1894 года его редакторами Н. Н. Страховым и К. Р.), в то время как в прижизненных публикациях и в автографах наблюдаются отличия. Обычно Фет либо скрывает имя адресата за начальными буквами, либо дает его полностью, не сокращая имя и отчество. Принятый до последнего времени способ переименования стихотворений выглядит по крайней мере странно: наряду с дружескими посланиями, шутивными посвящениями, где допустимо официальное «И. С. Тургеневу» или «Л. Н. Толстому» (хотя и здесь предпочтительней было бы заключать новое заглавие в ломаные скобки), есть эпиграммы и экспромты с большой примесью, так сказать, «аттической соли», и в этом случае официальное «М. Н. Лонгинову» без ломаных скобок смотрится весьма неуместно.

В том способе подачи материала, который принят в выходящем ныне Собрании сочинений Фета, проблема решается просто, поскольку воспроизводится заглавие, под которым стихотворение появилось в прижизненном сборнике. Другое дело — раздел «Стихотворения

и поэмы, не вошедшие в сборники». Среди них много произведений, опубликованных посмертно. Иногда из-за измененного заглавия и пунктуации в первых посмертных публикациях редколлегия принимала решение печатать то или иное стихотворение по автографу или последней прижизненной публикации.

Одно из поэтических посланий Фета, под заглавием «Ответ Тургеневу», было опубликовано в ноябрьском номере журнала «Современник» за 1856 год:

Поэт! ты хочешь знать, за что такой любовью
Мы любим родину с тобой?
Зачем в разлуке с ней, наперекор злословью,
Готово сердце в нас истечь до капли кровью
По красоте ее родной?

Что ж! пусть весна у нас позднее и короче,
Но вот дождались наконец:
Синей, мечтательней божественные очи,
И раздражительней немеркнувшие ночи,
И зеленей ее венец.

Вчера я шел в ночи и помню очертанье
Багряно-золотистых туч.
Не мог я разгадать: то яркое сиянье —
Вечерней ли зари последнее прощанье,
Иль утра пламенного луч?

Как будто среди дня, замолкнувши мгновенно,
Столица Севера спала,
Под обаяньем сна горда и неизменна,
И над громадой ночь, бледна и вдохновенна,
Как ясновидящая шла.

Не верилось мне, а взоры различали,
Скользя по ясной синеве,
Чьи корабли вдали на рейде отдыхали,
И воды, не струясь, под ними отражали
Все флаги пестрые в Неве.

Заныла грудь моя, но в думах окрыленных
С тобой мы встретились, друг!
О, верь, что никогда в объятьях раскаленных
Не мог таких ночей, вполне разоблаченных,
Лелеять сладострастный Юг.

Это послание вызвало, как известно, восторг не только у адресата, но и у других читателей. Тургенев, цитируя третью и четвертую строфы стихотворения, писал В. П. Боткину 11 (23) июня 1856 года: «Фет прислал мне <...> стихотворение „Петербургская ночь“, где следующие 10 стихов, особенно последние, меня приводят в восхищение <...>».² В свою очередь Боткин особо отметил заключительную

² ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 108. Следует отметить, что в комментариях к стихотворению в издании: Фет. Соч. и письма. Т. 1. С. 481 мною допущены неточности: во-пер-

часть стихотворения. 24 июня 1857 года он писал А. В. Дружинину: «...Вы видели уже Фета и, верно, знаете его стихи „Петербургская ночь“. Особенно окончание — удивительно! Я здесь упивался им до сладострастия».³

В связи с этим посланием возникает несколько текстологических вопросов. Во-первых, вопрос о заглавии стихотворения. И Тургенев, и Боткин называют его «Петербургская ночь». Между тем в автографе (Т 1. Л. 37) есть только одно заглавие: «Ответ Тургеневу». Можно предположить, что под этим заглавием стихотворение было послано Тургеневу, но, когда появилось второе заглавие, сказать трудно. Был ли это действительно «ответ» на какое-то письмо или на долгие споры о России, которые они вели в это время? Возможно и то и другое. В рабочую тетрадь Фет в большинстве случаев записывал уже беловые варианты, внося иногда дополнительную правку. Второй вопрос, на который ответ будет дан позже, — можно ли считать это стихотворение не только поэтическим посланием, но и собственно письмом, и не следует ли поместить его в корпус писем, учитывая, что оно было послано адресату.

В то же время возникает вопрос, как быть с тургеневскими пародиями. Некоторые из них (как, например, шутливая пародия на шекспировские переводы Фета:

Брыкни, коль мог, большого пожелав,
Стать им; коль нет — и в меньшем без препон,

ставшая печально известной благодаря включению ее в разгромную рецензию Д. Михаловского на перевод «Юлия Цезаря») сыграли, можно сказать, роковую роль в судьбе Фета.⁴ С другой стороны, могут ли две

вых, в дате первой публикации, и во-вторых, ошибочно указано, что Тургенев цитирует две заключительные строфы стихотворения.

³ Письма к А. В. Дружинину (1850–1863) / Ред. и коммент. П. С. Попова. М., 1948. С. 47 (Летописи ГЛМ. Кн. 9).

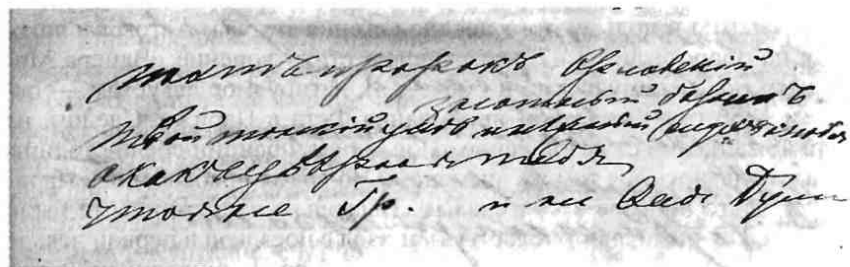
⁴ См. об этом подробнее в преамбуле к комментариям А. В. Ачкасова к переводам Фета из Шекспира: *Фет. Соч. и письма*. Т. 2. С. 652–653. Сохранилось еще одно пародийное двустушие в письме к Фету от 27 декабря 1858 (8 января 1859) на перевод из Шенье, напечатанный позднее в «Библиотеке для чтения»: «Я выправил Ваши стихи, любезнейший друг — и отдам их сегодня Дружинину — но пускай меня „на площади трехвостником дерут“ — не могу признать хорошими стихов вроде:

Иль тот, кто, зародясь, пленять богинь собою
Из недра Мирры шл, одетого корою,

и предлагаю уже, кстати, прибавить к ним следующие два, в том же роде:

В чей, приосанясь, зрак, — вид уст приняв живой,
Прелестниц — взор полн нег — игрив вперяет рой»

(ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 355–356). Указанные Тургеневым стихи были переделаны Фетом (см.: *Фет. Соч. и письма*. Т. 2. С. 234, 631–632).

Эпиграмма Фета «Поэт, пророк, орловский знатный барин...»
(ИРЛИ)

пародийные строки представлять самостоятельный интерес? С нашей точки зрения, могут, несмотря на то что сохранилась лишь незначительная часть этого рода поэтической деятельности Тургенева. Возможно, она тем более важна, что показывает не только литературное мастерство Тургенева, но и обстановку, в которой происходило редактирование им фетовских переводов.

Однако до поры до времени серьезные разногласия не мешали настоятельной потребности в общении. Обиды скоро забывались, да и полемисты стояли друг друга.

В эпиграмме Фета, адресованной, как установлено Б. Я. Бухштабом, Тургеневу, слышится не только отголосок горячих споров, но и желание найти понимание высоко ценимого человека, которого Фет, кстати, вовсе не случайно именует поэтом:

Поэт, пророк, орловский знатный барин,
Твой тонкий ум и нежный слух любя,
О как уверю я тебя,
Что я не Греч и не Фаддей Булгарин.⁵

Определяя дату создания стихотворения, Б. Я. Бухштаб проявил крайнюю осторожность: «Судя по нахождению в этой тетради <имеется в виду Т I. — Н. Г.>, написано, вероятно, не позже 1859 г.».⁶ Несколько смелее выглядит датировка в выходящем ныне Собрании сочинений и писем Фета в 20 томах, где дата «1859» в корпусе стихотворений фигурирует со знаком вопроса, а в комментариях читаем: «Автограф в Т I, что позволяет датировать ст-ние периодом до 1859 г.».⁷ Однако, если обратиться к автографу, можно уточнить датировку и высказать предположение, что эпиграмма была написана во второй половине 1856 года.

⁵ Печатается по автографу, без проставленного первым публикатором Б. В. Никольским и принятого Б. Я. Бухштабом вопросительного знака в последнем стихе.

⁶ Фет А. А. Полное собрание стихотворений / Вступит. статья, редакция и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л., 1937. С. 745 (Б-ка поэта).

⁷ Фет. Соч. и письма. Т. I. С. 502.

Аргументы в пользу этого предположения таковы. Автограф находится на обороте листа 47, где записано стихотворение «Венера Милосская» («И целомудренно и смело...»), датируемое августом — октябрём 1856 года, временем пребывания Фета в Париже. Следом, на листе 48 записано стихотворение «Под небом Франции среди столицы света...», датируемое тем же временем.⁸ Во время пребывания в Париже Фет часто виделся с Тургеневым. Насколько напряженными были споры между ними, свидетельствует эпизод с поездкой в первой декаде сентября по старому стилю в Куртавнель, красочно описанный Фетом в воспоминаниях.⁹ Одной из тем для дискуссий было, без сомнения, все более укреплявшееся в Тургеневе желание остаться за границей, в кругу близких друзей, у которых к тому же воспитывалась его дочь Полинетта. Со стороны Фета подобное намерение вызывало полное неприятие. Возможное переселение Тургенева за границу означало для него потерю самого близкого в литературном мире человека. Думается, что в упомянутом стихотворении «Под небом Франции...» отразилось не только общее настроение Фета, тяжело переносившего разлуку с родной, здесь было и послание к Тургеневу.

18 (30) сентября 1856 года Тургенев писал В. П. Боткину из Куртавнели: «Фет в Париже — я его видел. Скучает до иступления — ничего не понимает изо всего, что вокруг него происходит; вне своей лирики он плох — и совершенно лишен даже поверхностной наблюдательности».¹⁰ Позднее, в письме к Л. Н. Толстому от 16 (28) ноября того же года Тургенев, уже проводивший Фета в Рим, где были в это время Н. А. Некрасов и А. Я. Панаева, вспоминал о его пребывании во Франции: «Да, батюшка, был он в Париже, но более несчастного, потерянного существа Вы вообразить себе не можете. Он скучал так, что хоть кричать, никого не видал, кроме своего слуги француза. Приехал было ко мне (т. е. к Мг Виардо) в деревню — и оставил (это между нами) неприятное впечатление. <...> В моей комнате я с ним спорил до того, что стон стоял во всем доме от диких звуков славянской речи; словом — нехорошо было».¹¹

В первоначальной редакции стихотворение «Под небом Франции ...» имело не три, а четыре строфы. Последняя решительно вычеркнута в автографе жирной чертой, не очень характерной для фетовской редакторской правки. Создается впечатление, что, вычеркнув последнюю строфу, поэт резко захлопнул тетрадь, так что на обороте соседнего листа, как раз там, где впоследствии появилась эпитафия

⁸ См.: Там же. С. 467.

⁹ «...Дамы в Куртавнеле, поневоле слыша наш оглушительный гам на непонятном и гортанном языке, — вспоминал Фет, — наперерыв восклицали: „Боже мой! они убьют друг друга!“ И когда Тургенев, воздевши руки и внезапно воскликнув: „батюшка! Христа ради не говорите этого!“ — повалился мне в ноги, и вдруг наступило взаимное молчание, дамы воскликнули: „вот они убили друг друга!“» (Фет. МВ. Ч. 1. С. 161).

¹⁰ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 127.

¹¹ Там же. С. 149.

«Поэт, пророк, орловский знатный барин...», записанная скорописью, характерной для черновых автографов Фета, отпечатавшись в зеркальном отражении та же жирная черта чернилами. Напрашивается мысль, что исключение последней строфы в стихотворении «Под небом Франции...» было сделано не по внутреннему побуждению поэта, а по настоянию Тургенева, который, без сомнения, познакомился с текстом, как это обычно бывало, до его выхода в свет. Недаром, описав поведение Фета в Куртавнеле в письме к Толстому, он заключил: «Впрочем, он написал несколько грациозных стихотворений <...>».¹²

Чем же могла не устроить Тургенева последняя строфа? Приведем текст стихотворения в первоначальной редакции по автографу:

Под небом Франции среди столицы света
Где так изменчива народная волна
Не знаю отчего грустна душа поэта
И тайной скорбию мечта его полна

Каким-то чуждым сном весь блеск несется мимо
Под шум ей грезится иной далекий край
Так древле дикий Скиф средь праздничного Рима
Со вздохом вспоминал свой северный Дунай

О Боже! перед кем везде страданья наши
Как звезды по небу полночному горят
Не дай моим устам испить из горькой чаши
Изгнанья мрачного по капле черный яд.¹³

Твоим наитием пронесся голос ныне
Как бы из-за моря встающая заря
В двойном сиянии и в тройственной святыне
Всех, всех на родину зовущего царя.

Последняя строфа была в свое время прокомментирована Б. Я. Бухштабом, указавшим на публикацию 26 августа 1856 года в России коронационного манифеста, содержащего статью, которая позволяла изгнанникам, не учинившим «никакого другого преступления», кроме отъезда за границу «без узаконенных видов», вернуться на родину.¹⁴ С учетом этого комментария заключительная строфа представляет собой откровенно верноподданническое высказывание, которое не могло не покоробить Тургенева. Не исключено, что он высказал свое мнение в достаточно резкой форме, чем и побудил Фета зачеркнуть последнее четверостишие. Вполне возможно, что им были названы и одиозные имена Н. И. Греча и Фаддея Булгарина, которые не могли не обидеть поэта. Вот почему представляется вполне вероятным, что приведенная

¹² Там же.

¹³ Как отмечено в комментариях к стихотворению в издании *Фет. Соч. и письма* (Т. 1. С. 467), в стихе 12 содержится правка: «жгучий» вписано вместо зачеркнутого «черный».

¹⁴ *Фет А. А.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1937. С. 634.

выше эпиграмма, обращенная к Тургеневу, была написана рядом со стихотворением «Под небом Франции...» и вскоре после его обсуждения. В таком случае гораздо более приемлемой оказывается дата написания эпиграммы в пределах сентября — октября 1856 года. В пользу этого предположения говорит и результат сопоставления чернил, которыми написаны оба стихотворения. Они вполне идентичны, в то время как чернила, которыми сделана не позднее декабря 1856 года правка в 12-й строке стихотворения «Под небом Франции...», заметно отличаются по цвету и интенсивности. Таким образом, подтверждается работа первого публикатора эпиграммы «Поэт, пророк, орловский знатный барин...» Б. В. Никольского, датировавшего ее 1856 годом в составленном им Хронологическом указателе.¹⁵

Совсем иного рода эпиграмма, адресатом которой является, очевидно, Тургенев (предположение Б. Я. Бухштаба), была написана Фетом гораздо позднее. Датировка ее вызывает больше затруднений, поскольку она находится в так называемой второй тетради (Л. 128; см. илл. на с. 209), в которую, как известно, Фет вписывал стихотворения не только на оборотах листов, используя свободное место, но подчас просто под уже написанными стихотворениями. Б. Я. Бухштаб, попытавшись определить дату написания по положению в тетради, сначала определил ее в издании 1937 года периодом 1874–1886 годов. Четверостишие вписано после стихотворения «Ура! наш архангел отвинчен...», которое тоже имеет предельно расширенную датировку. В издании 1959 года Бухштаб предположительно сузил период до 1876–1878 годов — времени, когда отношения Тургенева и Фета полностью прекратились, однако обоснование новой датировки не вполне убедительно.

Трудно сказать, в связи с каким событием и когда была написана эта эпиграмма:

Понятен зов твой сердобольный
И для отцов и для детей
С базару храм искусств угольный,
Ты с переулка дом б<...>ей.

Очевидно одно — вряд ли она написана на выход в свет романа «Отцы и дети», хотя и отсылает к нему. В то время отношения Тургенева и Фета еще были довольно близкими, хотя роман «Отцы и дети» Фету решительно не понравился. Базаров даже стал «героем» одного из его деревенских очерков, с которым он вступил в спор. «Имя Тургенева <...> становится для него <Фета. — Н. Г.> „знаковым“, — пишет В. А. Кошелев в статье о деревенских очерках Фета, — „голос“ Тургенева появляется в первом очерке <...>».¹⁶

Признавая за Базаровым ум, Фет, в сущности, обвиняет его в оторванности от родной почвы, в непонимании того, что именно нужно России в настоящий момент. Рассуждая о воспитании и образовании

¹⁵ Фет А. А. Полн. собр. стихотворений: В 3 т. СПб., 1901. Т. 3. С. 386.

¹⁶ Фет. Соч. и письма. Т. 4. С. 489.

(понятиях далеко не равнозначных в понимании Фета), автор очерка «Кому всего естественнее принять обязанность народных воспитателей» пишет: «Какое явление представляет нам в этом смысле Базаров? Он отстал от народа и не пристал к обществу <...>. Базаров одинаково непонятен и угловат в избе и в гостиной. Ему хорошо только в своем тесном кружке, где нет преданий, нет законов, где все хорошо, все дозволено, где с равным бессмыслием можно рыться немытыми руками и в чужих верованиях, и во внутренностях лягушек и разложившихся трупов».¹⁷ Противопоставляя базаровскому нигилизму предания, обычаи, верования, наконец, историю, Фет пишет: «Человека с основами нравственного воспитания влекут известные симпатии в ту или другую сторону жизни. А тут нет никаких симпатий, а есть одна непримиримая антипатия к своему прошедшему».¹⁸ Относя главного героя «Отцов и детей» к «недоноскам науки» (истинная наука, по Фету, «чужда враждебных отношений к жизни»), Фет обвиняет Базарова в безнравственности и отказывает ему в звании «народного воспитателя». «Что же нам нужно? Нравственное шатание? Поблажка всевозможным страстям и порокам? Словом, теория ощущений?» — спрашивает он и отвечает решительно «нет», отдавая право называться народными воспитателями священникам. «Нравственно-христианское воспитание, — утверждает Фет, — какой бы высоты оно ни достигало, только умягчает и возделывает духовную почву для плодотворного восприятия всего высокочеловечного, не ставя человека во враждебное отношение к его жребию, как бы этот жребий ни был скромен».¹⁹

Сохранилась и реакция Тургенева на этот очерк Фета, в котором столь заметное место занимал Базаров. Но если другие очерки, вошедшие в цикл, опубликованный в третьем номере «Русского вестника» за 1863 год, вызвали положительный отклик у Тургенева, то очерк, в котором фигурировал Базаров, вызвал крайнее раздражение. «Прочел я Вашу статью в мартовской книжке „Русского вестника“, — писал Тургенев Фету, Боткину и И. П. Борисову из Баден-Бадена 26 июня (8 июля) 1863 года, — очень мило <...> но тут же находится *pendant* к необъятно-непостижимому стихотворению „И рухнула с разбега колесница“ — а именно 344-я страница с ее латинскими словами и *рикошетами*. Я пробовал читать ее лежа, стоя, кверху ногами, на полном бегу — с припрыжкой... ничего, ничего, ничего не понял! Там есть фраза: „он на всё смотрит при помощи источников изобретения?!?!?!?!“ Небеса разверзаются, ад трепещет — и тьма, тьма крошечная. А статья все-таки очень хороша».²⁰ «Непонимание» Тургеневым образного ряда, с помощью которого Фет передавал суть «выскочившего за борт» реальной, а не придуманной русской жизни Базарова, вынужденного вследствие своего безграничного нигилизма смотреть на все окружаю-

¹⁷ Там же. С. 243–244.

¹⁸ Там же. С. 247.

¹⁹ Там же. С. 250.

²⁰ ПССиП(2). Письма. Т. 5. С. 185–186.

Ура! наш архангел отвинчен
 украшением въ Санта-шериотъ.
 Милостивъ, ахъ и трематъ
 ахъ и хант хант Милостивъ
 въ книгу, въ всеяной въ
 Сиренъ замочъ Милостивъ
 Милостивъ прочесть Милостивъ
 Милостивъ въ Милостивъ
 Милостивъ

Милостивъ въ Милостивъ
 Милостивъ въ Милостивъ
 Милостивъ въ Милостивъ
 Милостивъ въ Милостивъ

Стихотворение Фета «Ура! наш архангел отвинчен...»
 и эпиграмма «Понятен зов твой сердобольный...»
 (ИРЛИ)

щее сквозь микроскоп («источник изобретения») и видеть в живых людях лишь материал для «научных» исследований, — такое «непонимание» было, конечно, напускным. Тургенев не мог принять подобной критики по отношению к своему «любимому детищу» Базарову. Совершенно очевидно, что и Фет мог читать строки этого письма лишь с еще большим неприятием, чем когда писал свой очерк и спорил с Базаровым.

Итак, ни время создания, ни конкретный повод, по которому была написана приведенная выше эпиграмма, остаются неизвестными. Первый ее публикатор Б. В. Никольский, который, кстати, счел необходимым «отредактировать» текст, заменив «храм искусств угольный» на «храм искусства вольный», указал в своем Хронологическом указателе еще более расширенную датировку, чем Б. Я. Бухштаб — 1871–1886 годы.²¹ Эпиграмма могла быть откликом на появившийся в 1877 году роман Тургенева «Новь», которым писатель хотел «примириться» с молодым поколением, обидевшимся на него за роман «Отцы и дети». Этот роман, как и предыдущий — «Дым» (1867), — был воспринят Фетом крайне враждебно (в письме к Л. Н. Толстому он назвал его «Евангелием червонных валетов»²²). Другим поводом к написанию эпиграммы мог быть приезд в Россию Тургенева в начале 1879 года, когда ему был устроен горячий прием в Петербурге и Москве.²³ Раздраженный комментарий к этим торжествам дал Фет в письме к Толстому от 21 марта 1879 года: «Тургенев вернулся в Париж, вероятно, с деньгами брата <Н. С. Тургенева, после смерти которого Тургенев получил наследство. — Н. Г.> и благодетельствовав Россию, то есть пустив по миру своих крестьян, <...> порубив леса, вспахав землю, разорив строения и размотав до шерстинки скотинку. Этот любит Россию».²⁴ Как бы там ни было, оснований для того, чтобы назвать Тургенева адресатом приведенной выше эпиграммы, более чем достаточно. Могла быть написана эта эпиграмма и раньше, а потом для памяти занесена в рабочую тетрадь. Но подобная резкость сказана была Фетом, конечно, не ранее появления романа «Отцы и дети», вызвавшего активное неприятие у поэта, все более явно занимавшего крайне консервативные позиции.

Иные поэтические послания Тургенева были откликом на письма в стихах Фета, которые расшевеливали затихшую было поэтическую жилку. Однажды даже Лев Толстой ответил на поэтическое послание Фета стихами. 8–10 июня 1872 года он писал:

Как стыдно луку перед розой,
Хотя стыда причины нет,

²¹ Фет А. А. Полн. собр. стихотворений: В 3 т. СПб., 1901. Т. 3. С. 398.

²² Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями: В 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 465.

²³ «Тургенев в Москве выслушивает спичи», — писал Фет Толстому 25 февраля 1879 г. (Там же. Т. 2. С. 56).

²⁴ Там же. С. 59.

Так стыдно нам ответить прозой
На вызов ваш, любезный Фет...²⁵

Благодаря мемуарам Фета, до нас дошли два экспромта Тургенева и Фета, произнесенные на обеде в честь Тургенева в январе 1856 года в Петербурге.

Поднять бокал в честь дружного союза
К Тургеневу мы нынче собрались.
Надень ему венок, шалунья муза,
Надень и улыбнись!

Тургенев не замедлил ответом:

Все эти похвалы едва ль ко мне придется,
Но вы одно за мной признать должны:
Я Тютчева заставил расстегнуться
И Фету вычистил штаны.

Сейчас эти строки могут показаться кому-то даже оскорбительными, несмотря на шуточный тон, в котором они произносились. Но уровень дружеской близости, доброжелательство сквозят в обоих экспромтах. У Фета с налетом обожания, в котором он признался в мемуарах, у Тургенева — с оттенком учительства и некоторой снисходительности, определяемыми его положением мэтра в кружке «Современника». Не следует забывать и обстановку, в которой произносились эти экспромты: только что была завершена подготовка нового сборника Фета (дата цензурного разрешения 11 февраля 1856 года).

Действительно, в середине 1850-х годов произошло два события, значение которых трудно переоценить для истории русской поэзии. Под редакцией Тургенева вышли два сборника: в 1854 году — Тютчева и в 1856 — Фета. Именно Тургеневу принадлежит заслуга в обнародовании первого поэтического сборника Тютчева, который, как известно, весьма незаинтересованно относился к публикации своих стихотворений. Над сборником Фета Тургенев много потрудился, заставляя поэта переделывать написанное не по одному разу, исключив значительное количество стихотворений.²⁶ Однако, если мы будем судить об их отно-

²⁵ Там же. Т. 1. С. 417.

²⁶ Основой для постановки вопроса о «тургеневской правке» сборника стихотворений Фета 1850 г. послужил сохранившийся в библиотеке родственника поэта И. С. Остроухова экземпляр сборника с пометами Тургенева. «Приступая к редактированию Фета, — писал Бухштаб, — Тургенев зачеркнул в этом экземпляре те стихотворения и строфы, которые считал недостойными включения в новое издание <сборник 1856 г. — Н. Г.>, и подчеркнул те слова и стихи, которые Фет должен был заменить новыми. Фет тут же на полях дал варианты, иногда по несколько вариантов — очевидно, на выбор редактора» (Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1937. С. 672). Правда, поместив в подготовленном им издании Фета 1937 г. часть ранних редакций стихотворений, которые позже (фактически до конца жизни) воспроизводились поэтом именно в «тургеневской редакции», Б. Я. Бухштаб впоследствии признал, что выбрал не самый удачный вариант решения «тургеневской» проблемы и вернулся к редакциям сборника 1856 г. В издании

шениях только по количеству правки, внесенной Фетом в готовившийся сборник, картина, сколь тщательно мы бы ни выверяли разные редакции поэтических текстов, не будет полной.

Надо признать, что впервые оба экспромта были включены в собрания сочинений (или стихотворений) не сразу. Экспромт Фета — лишь в 1937 году в издание, подготовленное Б. Я. Бухштабом.²⁷ Ни в первое посмертное издание 1894 года, подготовленное Страховым и К. Р., ни в издание 1901 года, подготовленное Б. В. Никольским, он не вошел. Тургеневский экспромт впервые был включен в собрание сочинений в 12 томах, выходявшее в конце 1920-х — начале 1930-х годов под редакцией К. Халабаева и Б. Эйхенбаума.²⁸ В первое академическое Полное собрание сочинений и писем в 28 томах указанный стихотворный текст включен не был, а во второе был помещен лишь в разделе «Dubia»,²⁹ очевидно, после того как на непоследовательность решения редколлегии первого издания было указано И. Г. Ямпольским.³⁰

Сложнее обстоит дело с эпиграммами Тургенева и Фета, написанными друг на друга. Так, известная эпиграмма:

Как снег вершин
Как фунт конфект,
Исчезнул <Фет>
И стал <Шенши>н,

автором которой считается Тургенев, дошла до нас в двух вариантах — в воспоминаниях Галахова и в воспоминаниях самого Фета. Однако если Галахов приводит ее в контексте воспоминаний о Тургеневе-эпиграмматисте, хотя и не называет его автором четверостишия,³¹ то Фет,

1959 г. читаем: «В настоящем издании мы отказались от такого подхода, так как он не обеспечивает вполне объективных результатов. Поправки, ухудшающие стихотворение с точки зрения мелодики стиха, могут улучшать его со стороны образности и т. п.: в выборе неизбежно скажется вкус редактора. Что касается авторской воли, надо учесть, что Фет после издания 1856 г. напечатал свои ранние стихотворения еще раз — в издании 1863 г. Кое-какие возвращенные к изданию 1850 г. здесь есть, но минимальные: восстановлены две исключенные Тургеневым строфы и одно забракованное им стихотворение. Фет явно не собирался возвращаться к отвергнутым Тургеневым редакциям стихотворений» (Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1959. С. 712).

²⁷ Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1937. С. 414.

²⁸ Тургенев И. С. Соч.: В 12 т. Л., 1934. Т. 12. С. 261.

²⁹ ПССУП(2). Соч. Т. 12. С. 557. Заметим, что этот текст здесь помещен после эпиграммы на Фета («Как снег вершин...»), которая датируется более поздним сроком: 1874 г. В комментарии также не учтено, что впервые экспромт «Все эти похвалы...» был включен в 12-й том собрания сочинений Тургенева под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума (С. 714).

³⁰ Тургенев И. С. Стихотворения и поэмы / Вступит. статья, подготовка текста и примеч. И. Ямпольского. Л., 1970. С. 418 (Б-ка поэта). «Неясно, почему это четверостишие, вопреки недвусмысленному свидетельству Фета, не включено в Ак. изд. (см. т. 15, с. 414)».

³¹ Галахов А. Д. Записки человека / Вступит. статья, составление, подготовка текста и коммент. В. М. Боковой. М., 1999. С. 226.

не упоминая о Тургеневе, приводит текст эпиграммы в другой редакции и ссылается на газету «Новое время», в которой она якобы была напечатана. Скажем сразу, что поиски этой эпиграммы в газете «Новое время» не увенчались успехом, и остается только гадать, откуда она стала известна Фету. Вот в какой редакции эпиграмма была опубликована в «Моих воспоминаниях»:

Как с неба свет,
Как снег с вершин,
Исчезнул Фет
И встал Шеншин.³²

Помимо свидетельства Галахова, существуют также воспоминания В. К. Истомина, который привел ту же эпиграмму, однако имени Тургенева как ее автора не назвал, отметив только, что Лев Толстой отрицательно отнесся к этому выпадку против Фета.³³ Автор статьи об эпиграммах Тургенева Е. А. Гитлиц высказала осторожное предположение в пользу принадлежности ее Тургеневу, приведя в качестве аргументов повторение в ней известной остроты Тургенева по поводу перемены Фетом фамилии («...как Фет вы имели имя, как Шеншин, вы имеете только фамилию») и использование в тексте эпиграммы выражений, близких шутливому посланию Тургенева к Фету 1864 года («И шепчут гор верхи: Где Фет? Где тот поэт, / Чей стих свежей икры и сладостней конфет?»).³⁴ Приняв аргументацию Гитлиц, И. Г. Ямпольский поместил эту эпиграмму (также почему-то в редакции Галахова, а не Фета) в раздел «Стихотворения, приписываемые И. С. Тургеневу».³⁵ В качестве автора эпиграммы называлось также имя К. Скальковского, причем Т. А. Кузминская, писавшая об этом Г. П. Блоку 9 декабря 1920 года, привела по памяти еще один вариант эпиграммы:

Как снег с вершин,
Как гор поток,
Стал Фет Шеншин
.....³⁶

³² Фет. МВ. Ч. 2. С. 283.

³³ Истомин В. К. На закате // Яснополянский сборник. Тула, 1965. С. 147.

³⁴ Гитлиц Е. А. Эпиграммы Тургенева // Т Сб. Вып. 3. С. 68. Последнее замечание, правда, следует принять с известной оговоркой, поскольку ничего общего, кроме банальной рифмы «Фет / конфет», в приведенных строках из дружеского послания Тургенева и в крайне недоброжелательных строках эпиграммы собственно нет. Тем не менее следует признать, что аргументы в пользу авторства Тургенева в целом выглядят вполне убедительно.

³⁵ Тургенев И. С. Стихотворения и поэмы. С. 390.

³⁶ «После того как Фет стал Шеншиным, в газете „Новое время“ вышла статья на эту тему, очень даже лестная, как помню, для Афанасия Афанасьевича, — писала Кузминская. — Но вышло также и юмористическое четырехстишие, кажется, Константина Скальковского; из его стихов помню только 3 линейки: <...> Дополните сами. Бог простит эту смелость, а то жаль неоконченное» (Т. А. Кузминская об А. А. Фете / Публ. Н. П. Пузина // РЛ. 1968. № 2. С. 171).

Как видно из приведенного текста, он ближе к варианту из воспоминаний Фета, чем к тому, что поместил в своих воспоминаниях Галахов. Редколлегия второго издания Полного собрания сочинений и писем Тургенева в 30 томах, впервые включив эпигramму в состав 12 тома Сочинений, тоже предпочла вариант Галахова, хотя приведенную тем же Галаховым эпигramму на И. П. Арапетова с прямым указанием на авторство Тургенева почему-то в издание не включила, даже в разделы «Коллективное» или «Dubia». ³⁷ Не попала в 12-й том и эпигramма на П. В. Анненкова («Идеалист с широким пузом...»), несомненно принадлежащая Тургеневу, по той причине, что она находится в составе письма к Анненкову от 3 (15) января 1857 года. ³⁸ Соответственно, эта эпигramма не вошла и в указатель произведений Тургенева.

И вот первый текстологический вопрос, который возникает при обнаружении столь существенных разночтений в подаче материала. Если письмо содержит стихотворный текст или целиком написано в стихах, следует ли включать его в собрание сочинений в качестве стихотворного текста в серию Сочинения или оставить его в Письмах? Ведь если мы включаем экспромты и эпигramмы, дошедшие до нас, как правило, через вторые руки, то можно ли признать логичным, что тексты, известные нам в автографах, остаются не отмеченными даже в указателе произведений?

Излишне говорить, какие пробелы возникают при подобном подходе. Нам уже приходилось писать о том, как «затерялся» в Полном собрании сочинений и писем Тургенева знаменитый некролог Гоголя (за который писатель был сослан в Спасское) только потому, что впоследствии Тургенев включил его в свои «Литературные и житейские воспоминания». Следование избранному текстологическому принципу привело к тому, что некрологическая статья, написанная в форме «Письма из Петербурга» (в редакцию «Московских ведомостей»), оказалась исключенной и из корпуса критических статей, и из корпуса писем и, соответственно, выпала из указателя произведений Тургенева. ³⁹

Не включенными в корпус стихотворений оказались и стихотворные послания Тургенева к Фету, а их было не менее шести («Бесценный Фет, мудрец и стихотворец...», «Покинув град Петров, я в Баден поспешил...», «Любезнейший Фет!..», «В ответ на возглас соловьиный...», «Фет, ну что Ваш Шопенгауэр?..», «Решено! Ура! Ви-

³⁷ Е. А. Гитлиц считала, что Тургенев, «видимо, принимал большое участие в создании эпигramмы на Арапетова» (см.: Гитлиц Е. А. Эпигramмы Тургенева. С. 58–59); И. Г. Ямпольский включил эпигramму в указанное выше издание в раздел «Коллективное» на основании пометы рукой А. А. Краевского на списке полного текста эпигramмы, хранящемся в его архиве в РНБ: «Дружинин, Тургенев и Некрасов» (на это указывала и Е. А. Гитлиц).

³⁸ ПССиП(2). Письма. Т. 3. С. 177. Письмо напечатано по первой публикации, его оригинал, как указано в комментарии, неизвестен.

³⁹ См. об этом: Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 485–486.

ват!...) и некоторые другие стихотворения), и приписываемая Тургеневу пародия на стихотворение Фета «Я долго стоял неподвижно...» (1843).

Правда, эта пародия могла не принадлежать Тургеневу, хотя и сохранилась в его бумагах, поступивших в Парижскую Национальную библиотеку. Впервые она была опубликована Андре Мазоном в 1930 году:

Я долго стоял неподвижно,
И странные строки читал,
И очень мне дики казались
Те строки, что Фет написал,
Читал... что читал я, не помню,
Какой-то таинственный вздор;
Из рук моих выпала книга,
Не трогал ее я с тех пор.⁴⁰

Как писал Мазон, сначала на отдельном листке Тургенев скопировал подлинное стихотворение Фета, а затем записал текст пародии. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что оба текста записаны не рукой Тургенева. А поскольку они записаны на листке почтовой бумаги, можно предположить, что кто-то из знакомых прислал Тургеневу эту пародию в Париж, тем более что пародий на Фета было великое множество. Правда, пародия была включена в 11-й том Сочинений Тургенева, вышедших под редакцией Халабаева и Эйхенбаума.⁴¹ И. Г. Ямпольский, считая, что «авторство Тургенева вполне вероятно», поместил этот текст в раздел «Стихотворения, приписываемые И. С. Тургеневу».⁴² По-видимому, текст пародии следовало бы включить в раздел «Dubia» Полного собрания сочинений и писем Тургенева.

Другая пародия, гораздо более злая, также не вошла ни в один из разделов стихотворений Тургенева в Полном собрании сочинений и писем. Она содержится в письме к Фету от 30 июля (11 августа) 1867 года и хорошо демонстрирует, насколько разошлись друзья за прошедшие годы. Получив письмо от Фета с отрицательным отзывом о недавно вышедшем в свет романе «Дым» (письмо не сохранилось⁴³)

⁴⁰ Mazon A. Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits. P., 1930. P. 94.

⁴¹ Тургенев И. С. Соч.: В 12 т. Л., 1934. Т. 12. С. 250.

⁴² Тургенев И. С. Стихотворения и поэмы. С. 389. Некоторые исследователи до сих пор придерживаются мнения, что эта пародия принадлежит Тургеневу (см.: Фет. Соч. и письма. Т. 1. С. 434–435). М. К. Клеман датировал ее 1863 г. (см.: Хронологический указатель литературных работ и замыслов И. С. Тургенева / Сост. М. К. Клеман // И. С. Тургенев. Сб. статей. Л., 1934. С. 359).

⁴³ Представление о том, как Фет оценил роман «Дым», можно составить по сохранившемуся письму его к Л. Н. Толстому от 15 июня 1867 г.: «Читали Вы пресловутый „Дым“? У меня одна мерка. Не художественно? — не спокойно? — дрянь. Форма? Сам с ногой, борода с локоть. Борода состоит из брани всего русского, в минуту, когда в России все стараются быть русскими. А тут и труженик честный посредник представлен

и с какими-то высказываниями Фета о болезненной для писателя истории с дядей Николаем Николаевичем, Тургенев, возвращаясь к своим затянувшимся спорам с поэтом, не без яду писал: «Но отчего Вас в „Русском вестнике“ нет? Боги! отчего не приходится хотя от времени до времени читать такие, нетенденциозные стихи:

Где-то, что-то веет, млеет...
Нос сопит... язык немеет...
Стих свербит вокруг пупка...
Музе хочется какá!

Как бы это было прохладно!».⁴⁴ Правда, и сам признается в конце: «Письмо это вышло резко — но у меня на душе накопело. Вы — добрый; сердиться не будете; Вы знаете, что я все-таки Вас очень люблю».⁴⁵

Можно было бы подумать, что стихотворные послания Тургенева (и не только к Фету) не включены как самостоятельные поэтические тексты в корпус его сочинений потому, что Тургенев был прозаиком, а не поэтом. Но мы знаем, что это не так. Уже в 1840-е годы Тургенев снискал известность именно как поэт (вспомним его литературный дебют как автора поэмы «Параша», вызвавшей одобрение Белинского и других ведущих критиков), в его литературном наследии немалую часть занимают поэтические тексты. Словом, это вопрос, который можно и должно обсуждать и решать. Следует только сказать, что, исключая эти тексты из основного корпуса сочинений, мы, без сомнения, обедняем представление читателей о многообразной и значимой части литературного наследия Тургенева. И, если будет возможность, этот пробел следует восполнить в готовящемся дополнительном томе сочинений Полного собрания сочинений и писем Тургенева, которое, хотя и с большим перерывом, но все же возобновилось.

Тургеневские послания большей частью сохранились в дошедшем до нас корпусе писем, исключая, разумеется, эпиграммы и пародии, на которые писатель отнюдь не скупился.

жалким дураком, потому что не знает города Нанси. В России-де все гадко и глупо и *все надо* гнуть насильно и на иностранный манер. На этом основании и дурак Литвинов *изучил* иностранную агрономию, чтобы ему, дураку, *применять* ее в своем имении. Ясно, осел. Не все ли это равно, что под русскую брыкуху запрягать паровоз? Этого мало. Между всеми русскими негодьями и дураками оказывается порядочный герой, истосковавшийся по аристократическому кругу, который будто бы презирует, и бросающий женщину, которую будто бы уважает и любит, только из-за того, что нанюхался волос женщины, которую с детства знает и признает окончательно для себя непригодной. Мало того, этому краугольному камню русских и порядочных людей (в глазах автора) ни разу и на ум не пришло, что женщина, которую он смывает, жена другого — имя которого она носит и т. д. Неужели это прогресс? Мужики за это оглоблей бьют. Порядочные люди борются, насколько сил хватает, а жулики-прогрессисты об этом не думают» (Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. I. С. 384).

⁴⁴ ПССиП(2). Письма. Т. 8. С. 23–24.

⁴⁵ Там же. С. 24.

Иногда все письмо состояло из одного стихотворного текста, который можно назвать рифмованным письмом. Такое рифмованное письмо от 16 (28) июля 1859 года было послано Тургеневым Фету из того самого Куртавнеля, где состоялся столь памятный для обоих спор ранней осенью 1856 года:

Бесценный Фет, мудрец и стихотворец —
Я получил любезное письмо,
Направленное Вами из «Поляны» —
В том замке, где Вы некогда со мною
Так спорили жестоко — и где я
У Вас в ногах валялся униженно.
В нем ничего не изменилось: только
Тот ров, который, помните, струился
Пред Вашими смущенными глазами —
Теперь порос густой травой — и высох.
И дети выросли... Что ж делать детям,
Как не расти? Один я изменился
К гораздо худшему. Я всякий раз,
Как к зеркалу приближусь, с омерзеньем
На пухлое, носастое, седое
Лицо свое взираю... Что же делать!
Жизнь нас торопит, гонит нас, как стадо...
А смерть, мясник проворный, ждет — да режет...
Сравнение, достойное Шекспира!
(Не новое, однако, к сожаленью!)
Я к Вам писал из города Виши
Недавно; стало быть, не нужно боле
Мне говорить о личности своей.
Скажу одно: в начале сентября
Я в Спасском, если шар земной не лопнет —
И вместе вальдшнепов мы постреляем.
Об Вас я говорить хочу: я Вами
Ужасно недоволен: берегитесь!
Скучливый человек... Вы на стезю
Опасную ступили... не свалитесь
В болото злой, зевающей хандры,
Слезливого, тупого равнодушья!
Иллюзии, Вы говорите, нет...
Иллюзия приходит не извне —
Она живет в самой душе поэта.
Конечно, в сорок лет уж не летают
Над нами, в романтическом эфире,
Обсыпанные золотом и светом,
Те бабочки с лазурными крылами,
Которые чаруют наши взоры
В дни юности — но есть мечты другие,
Другие благородные виденья,
Одетые в белеющие ризы,
Обвитые немеркнущим сияньем. —
Поэт, иди за ними — и не хнычь!
(Фу — батюшки! Какой высокий слог!)
А на земле — *коль* есть покойный угол,

Да добрый человек с тобой живет,
 Да не грызет тебя недуг упорный —
 Доволен будь — «большого» не желай.
 Не бейся, не томись, не злись, не кисни,
 Не унывай, не охай, не канючь,
 Не требуй ничего — и не скули...
 Живи смиренно, как живут коровы —
 И мирно жуй воспоминанья жвачку.
 Вот мой совет — а впрочем, как угодно!
 Увидимся — и больше потолкуем...
 Ведь Вы меня дождетесь в сентябре?
 Пожалуйста, поклон мой передайте
 Супруге Вашей и сестре; скажите
 Борисову, что я люблю и помню
 Его; Толстого Николая поцелуйте
 И Льву Толстому поклонитесь — также
 Сестре его. Он прав в своей приписке:
 Мне *не за что* к нему писать. Я знаю:
 Меня он любит мало — и его
 Люблю я мало. — Слишком в нас различны
 Стихии; но дорог на свете много:
 Друг другу мы мешать не захотим.
 Прощайте, милый Фет; я обнимаю
 Вас крепко. Здешняя хозяйка Вам
 Велела поклониться. Будьте здоровы,
 Душой и телом. Музу посещайте
 И не забудьте нас.

Иван Тургенев.⁴⁶

То, что было трудно высказать в письме, — о принятом окончательно решении навсегда остаться в семье, с которой связывало слишком многое, об отказе от надежд на счастье, о болезнях, о непростых отношениях с Толстым — сказалось в шутивно-философском послании, скорее напоминающем прощание, хотя еще в январе 1858 года Тургенев признавался Толстому, что ему «совсем не следовало выезжать за границу».⁴⁷ И чуткий Фет понял его смысл. Больше он не будет звать Тургенева домой, как он это делал постоянно, начиная с лета 1856 года. Например, в послании, датированном февралем 1858 года:

Прошла зима, затихла вьюга,
 Давно тебе, любовник Юга,
 Готовим тучного тельца.
 В снегу, в колючих искрах пыли
 В тебе мы друга не забыли
 И жаждались обнять певца.

Ты наш. Напрасно утром рано
 Ты будишь стражей Ватикана,
 Вот за решетку ты шагнул,

⁴⁶ ПССиП(2). Письма. Т. 4. С. 66–68.

⁴⁷ Там же. Т. 3. С. 292.

Куртавице.

28-го Июля 1859.

Беззастенчивый Фет, мудрец и стихотворец —
 Я похулаиваю, любящее твое
 Капризное лицо и "козлы"
 На юнх засыпая, что ты итак со мной
 Дела спорили, неслучайно — а что и
 у нас во время. Рубишь универсально.
 Ты кем нибудь не удивляешь: только
 твой род, который, по-моему, отроду
 Пред нами. Сидящий в нас —
 Теперь поровну с тобой — и Фетов —
 и эти Фетовы... Чтоб сказать тебе
 Как не рожать? — Одинаково
 Къ порогу хулаиву. — Я, как и ты
 Как к державу приближаюсь, с омерзением
 На твое, неослабное, свое
 Лицо свои взираю... Что же делать!
 Никто не может, конечно, как стар
 А Ахметов, неслучайно, Фетов —
 Сидящий, держащий Виктора.
 (не кобы, одичало, кт. софистов.)

Стихотворное послание Тургенева
 «Бесценный Фет, мудрец и стихотворец...»
 (ИРЛИ)

Вот улыбнулись антики,
И долго слышат мозаики
Твоих шагов бегущий гул.

Ты наш. Чужда и молчалива
Перед тобой стоит олива,
Иль зонтик пинны молодой;
Но вечно радужные грезы
Тебя несут под тень березы,
К ручьям земли твоей родной.

Там все тебя встречает другом:
Черней бразда бежит за плугом,
Там бархат степи зеленой,
И верно чуя, что просторней, —
Смелей и слаще и задорней
Весенний свищет соловей.

Напечатано было это послание под заглавием «Тургеневу», как и в автографе. Возможно, в не дошедшем до нас письме Фет спрашивал разрешения на печатанье стихотворения, поскольку в ответном письме от 26 февраля (10 марта) 1858 года из Рима Тургенев предлагал изменение в стихе 22: «Присланные Вами стихи очень лестны и очень милы. Один лишь стих: „И верно чуя, что просторней” — не лезет в горло. Зимой, при издании Ваших новых стихотворений, большая будет перепашка».⁴⁸

Новый сборник выйдет не скоро, в 1863 году. В предисловии к нему Фет будет благодарить друзей, и в первую очередь, конечно, Тургенева, за помощь: «...не могу <...> не заявить искренней признательности тем друзьям поэта, эстетическому вкусу которых я вверил вполне издание 1856 года. Эти друзья могут убедиться, что в предлагающие два тома вновь вошла всего одна пьеса, случайно ими забытая, из прежней моей деятельности, а из последующей и всех переводов включены только те, которые, хотя и поодиночке, были ими одобрены».⁴⁹ Стихотворение «Прошла зима, затихла вьюга...» под указанным заглавием вошло в этот сборник, правда, стих 22, который «не лез в горло» Тургеневу, остался без изменений. Одно изменение, судя по автографу, сохранившемуся в *Т I*, все же было внесено: в стихе 17 первоначально было: «Тебя влекут под тень березы» (*Т I*. Л. 100). Не зачеркивая первоначального варианта,⁵⁰ Фет вписал лишь одно слово: «несут». В этой редакции стихотворение и было напечатано в сборнике 1863 года. К этому времени «вечно радужные грезы» уже не влекли писателя «к ручьям земли родной». Приняв решение навсегда поселиться в Баден-Бадене, он лишь наездами бывал в России.

Уже в следующем году Фет пишет Тургеневу стихотворение, в котором звучат прощальные нотки примирения. Приводим его по автогра-

⁴⁸ Там же. С. 303.

⁴⁹ Фет. Соч. и письма. Т. I. С. 238.

⁵⁰ Не учтенного ни в одном издании, включая последнее (Фет. Соч. и письма. Т. I).

фу, поскольку окончательная редакция, сделанная по замечаниям строгого редактора, до нас не дошла.

ТУРГЕНЕВУ

Из мачт и паруса, что честно так служил
Искусному пловцу под вёдром и грозой! —
Ты хижину себе воздушную сложил
Под очарованной скалою.

Тебя пригрел чужой денницы яркий луч. —
До нас твой вздох не долетает. —
Телесным недугам лишь благодатный ключ,
Тебе и душу освежает.

Поэт! и я обрел, чего давно алкал,
Скрываясь от толпы бесчинной;
Среди родных полей и тень я отыскал
И уголок земли пустынной.

Привольно, широко, куда ни кинешь взор.
Здесь насажу я сад, здесь, здесь поставлю хату!
И плектрон отложу, я взялся за топор
И за блестящую лопату.

Свершилось! Дом укрыл меня от непогод,
Луна и солнце в окна блещут,
И, зеленью шумя, деревьев хоровод
Ликует жизнью и трепещет.

Ни резкий крик глупцов, ни подлый их разгул
Сюда не досягнут. Я слышу лишь из саду
Лихого табуна сближающийся гул
Да крик козы, бегущей к стаду.

Здесь песни нежных муз душе моей слышней,
Их жадно слушает пустыня,
И верь! хоть изредка из сумрака аллея
Ко мне придет моя богиня.

Лишь здесь не ведая ни бурь ни грозных туч
Душой привычною к утратам,
Желал бы умереть как утром лунный луч,
Или как солнечный — с закатом.

До того как послать стихотворение Тургеневу, Фет внес в него небольшую правку: в стихе 7 «лишь благодатный ключ» был исправлен на «животворящий ключ».

Вот что писал Тургенев Фету 20 ноября (2 декабря) 1864 года: «Любезнейший Афанасий Афанасьевич, вчера, вернувшись из Парижа, куда я ездил дней на десять, я нашел здесь Ваше письмо из Степановки с стихотворением на мое имя. Нечего и говорить, что печатание этого стихотворения ничего, кроме удовольствия, мне доставить не может: но в нем есть один жестокий стишок, который нужно исправить: — „В телесных недугах животворящий ключ...”. По-русски говорится:

недугах, — а недуги — отзываются чем-то очень семинарским — вроде: добыча. <...> Есть еще два маленьких пятнышка: отчего — „твой вздох” не долетает? Во-первых, я здесь не вздыхаю; а во-вторых — этот стих не вытекает из предыдущего. Потом почему: *лишь* здесь? Стало быть, надо понять, что только в Степановке Вы желаете умереть, а в других местах желаете больше жить? В таком случае всем почитателям Вашего таланта следует молить судьбу, чтобы она разлучила Вас со Степановкой? Но ведь это сущие мелочи — а все стихотворение очень мило — и, кроме того, обрадовало меня известием, что у Вас деревья разрослись „зеленым хороводом”».⁵¹

Это стихотворное послание не было последним, однако в определенном смысле оно завершало многолетний спор Тургенева и Фета о возможности для писателя навсегда поселиться за границей, чему, как уже говорилось, Фет всячески сопротивлялся. И, возможно, оно было последним, в которое Фета внес существенную правку по совету Тургенева. Это не значит, что впоследствии, печатая некоторые стихотворения, Фет не «прислушивался» к голосу своего старого редактора.⁵² Однако в данном случае, поскольку речь шла о печатании стихотворения, ему посвященного, Тургенев как будто имел полное право на замечания. И Фет почти полностью их учел. Стихи 6 и 7 были переделаны следующим образом:

И в откликах твоих мы слышим примиренье;
Где телом страждущий пьет животворный ключ,

В стихе 29 «Лишь здесь не ведая ни бурь...» было изменено на: «Вот здесь не ведая ни бурь...». В исправленной редакции стихотворение было напечатано в январском номере «Русского вестника» за 1865 год. Однако в отличие от других посланий к Тургеневу, включенных Фетом в так называемый список 1892 года, это стихотворение не было внесено в состав основного собрания, а потому оно не вошло в первое посмертное издание стихотворений Фета 1894 года, подготовленное Страховым и К. Р.

Впервые после «Русского вестника» оно было напечатано Б. В. Никольским в Полном собрании стихотворений Фета (1901), правда, с большими вольностями в пунктуации. Правка, внесенная в автограф, была частично учтена в первом научном издании стихотворений Фета, подготовленном Б. Я. Бухштабом (серия «Библиотека поэта»).⁵³ В пере-

⁵¹ ПССиП(2). Письма. Т. 6. С. 68.

⁵² Так, например, стихотворение, посвященное графине С. А. Толстой (вдове А. К. Толстого) «Когда так нежно расточала...», раскритикованное Тургеневым в письме от 25 марта (6 апреля) 1866 г., Фет вообще не печатал почти два десятка лет, но когда включил его в первый выпуск «Вечерних огней» (1883), опубликовал его с поправками, сделанными частично по замечаниям Тургенева (см.: *Фет А. А. Вечерние огни*. М., 1979. С. 453, 454, 682 (Лит. памятники)).

⁵³ *Фет А. А. Полн. собр. стихотворений*. Л., 1937. С. 660. Следует сказать, что опечатка, допущенная в «Русском вестнике» в ст. 18 («Луна и солнце в окна блещет» вме-

издании этого тома 1959 года раздел «Ранние редакции и варианты» был заметно сокращен, а в издании 1986 года — сведен к минимуму, однако ранний вариант стихов 6 и 7 остался во всех трех изданиях. Правда, правка, сделанная Фетом до тургеневского «вмешательства», не была учтена ни в одном из них.

При подготовке нового издания необходимо решить вопрос: дает ли произведенная Фетом доработка стихотворения основание для выделения ранней, «дотургеневской» редакции. На наш взгляд, дает. И прежде всего потому, что замена стихов 6 и 7 существенно меняет смысл высказывания. Это тем более важно, что накануне написания этого стихотворения Фет получил от старого приятеля очень раздраженное письмо. Впервые Тургенев обращался к нему на «ты», впервые в письме звучала настоящая обида.

Получив в Париже два письма Фета (не сохранились), в которых обнаружился неприятный для Тургенева «цинизм тона и некоторая неопрятность выражений», он писал 10 (22) ноября 1864 года: «Денег нет — а ты строишь себе в Бадене дом во вкусе Людовика XIII-го — и явно намереваешься провести остаток дней своих в этом здании! Да, конечно; и я даже надеюсь, что старые приятели когда-нибудь завернут ко мне <...> надо сказать, хорошо живет в Бадене: милые люди, милая природа, охота славная... Но, однако, как ты неправильно и беспорядочно пишешь — точно лирический поэт, у которого сосет под ложечкой. Ты пьян, что ли?». ⁵⁴ Именно после этого письма Фет создает стихотворение, в котором явственно звучат ноты примирения. Он не хочет ссоры, потом забирает свои слова назад о том, что Тургенев «вздыхает» в Бадене и не скучает по своим друзьям. Поэт признает, что каждый из них нашел свое счастье и имеет на это право. И лишь пронзительная последняя строфа выдает боль души, «привычной к утратам».

Таким образом, учитывая контекст сохранившихся тургеневских писем, это стихотворение, без сомнения, должно быть определено как стихотворное послание и помещено в корпус писем Фета.

Подобный прецедент уже был. В подготовленную Т. П. Головановой переписку Тургенева и Фета совершенно обоснованно были включены в качестве писем стихотворные послания Фета к Тургеневу, «имеющие все признаки „регулярного“ письма», ⁵⁵ в том числе «Тебя искал мой стих по всем концам земли...». Было включено в публикацию и стихотворение, в заглавии которого (как в автографе, так и во всех публикациях) имя Тургенева отсутствовало. ⁵⁶ Приводим его по автографу (Т 2. Л. 62–62 об.; см. илл. на с. 227):

сто: «Луна и солнце в окна блещут») и повторенная в издании Никольского, давала, на наш взгляд, основание Б. Я. Бухштабу печатать это стихотворение по автографу.

⁵⁴ ПССиП(2). Письма. Т. 6. С. 60–61.

⁵⁵ См.: Переписка И. С. Тургенева: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 403.

⁵⁶ Там же. С. 439–440.

Хотя по-прежнему зеваю,
Степной Тантал, —
Увы, я больше *не витаю*,
Где я витал!

У одичалой, непослушной
Мечты моей
Нет этой поступи воздушной
Царицы фей.

В лугах поэзии зорями
Из тайных слез
Не спеют росы жемчугами,
А бьет мороз.

И замирает вдохновенье
В могильной мгле,
Как корнеплодное растение
В сухой земле.

О, приезжай же светлым утром,
Когда наш сад
С востока убран перламутром,
Как грот наяд.

В тени убогого балкона,
Без звонких лир,
Во славу нимф и Аполлона
Устроим пир.

Тебе побегов тополь чинный
Даст для венца,
Когда остудим пеной винной
Мы тук тельца.

Пришлец с Олимпа, вестью новой
Меня утешь.
Опять покроет блеск багровый
Поэта плешь.

Найду начальный стих пэана
Я в честь твою;
Не хватит сил допить стакана —
Так разолью!

Впервые оно было напечатано Б. В. Никольским в Полном собрании стихотворений Фета (1901), правда, с существенными изменениями в пунктуации, но не только. Из стихотворения была исключена целая строфа, вычеркнутая в автографе крест-накрест красным карандашом. Эта строфа была восстановлена в издании стихотворений Фета, подготовленном Б. Я. Бухштабом (серия «Библиотека поэта»),⁵⁷ однако лишь в разделе других редакций и вариантов. Здесь же на основании письма

⁵⁷ Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1937. С. 660.

от 13 (25) января 1869 года было высказано верное предположение, что стихотворение обращено к Тургеневу, который писал Фету: «Я посылаю письмо через И. П. Борисова — ибо не знаю наверное, где Вы живете?».⁵⁸ Воспроизведенное в 3-м стихе подчеркивание («*vital*») подтверждает предположение Бухштаба и позволяет довольно точно датировать стихотворение второй половиной января — первой половиной февраля 1869 года.

Решая вопрос, восстанавливать или нет вычеркнутую строфу, Б. Я. Бухштаб, судя по комментариям, колебался: «Перед последней строфой зачеркнута красным карандашом (может быть, и не Фетом; впрочем, в тетради есть несомненно фетовские пометки красным карандашом) строфа, помещенная нами в вариантах».⁵⁹ Мы полагаем, что есть все основания считать виновным в исчезновении строфы первого публикатора стихотворения — Б. В. Никольского. В левом верхнем углу листа 62 имеется еще одна помета красным карандашом: «печатать». Она сделана не рукой Фета. Если бы она принадлежала Страхову или К. Р., готовившим первое посмертное издание, то стихотворение, пусть и без предпоследней строфы, было бы там напечатано. Теоретически помета могла быть сделана вдовой Фета, принимавшей участие в подготовке посмертного издания, но почерк, каким она внесена, отличается от почерка Марьи Петровны. Кроме того, ни один случай подобного вмешательства ее в поэтические тексты не зафиксирован. Остается наиболее вероятный вариант: Никольский, встретив в тетради ненапечатанное стихотворение, решил его «подредактировать», что он делал не раз. Может возникнуть вопрос, на каком основании он это сделал. Вряд ли его могло оскорбить именование Тургенева «пришлецом с Олимпа». Остается лишь предположить, что смелому редактору показались унижающими достоинство поэта совсем непозитические строки: «Опять покроет блеск багровый / Поэта плешь».

Если наша догадка верна и поскольку при жизни Фета стихотворение не было напечатано, то в «Библиотеке поэта» шутовское поэтическое послание к Тургеневу, несомненно, следовало печатать по автографу, восстановив не только подчеркивание в стихе 3 (чего не было в первой публикации), но и опущенную Никольским строфу и, разумеется, убрав своеобразную интерпункцию, которой так страдало издание Никольского.

Таким образом, составляя корпус как стихотворений Тургенева, так и писем Фета, необходимо учитывать указанные факторы, чтобы не нарушить принцип целостной и наиболее полной подачи литературного наследия обоих поэтов, чей поэтический диалог является по-своему уникальным в истории русской поэзии.

⁵⁸ ПССиП(2). Письма. Т. 9. С. 133.

⁵⁹ Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1937. С. 741.